

ФЕДОТОВ АНДРЕЙ СЕРГЕЕВИЧ

**АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ БИОГРАФИИ
А.Н. ОСТРОВСКОГО**

Специальность 10.01.01 – Русская литература

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва – 2011

Работа выполнена на кафедре истории русской литературы филологического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Галина Владимировна Зыкова

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, доцент
Мотеюняйте Илона Витаутасовна,
Псковский государственный педагогический
университет им. С.М. Кирова

кандидат филологических наук, доцент
Кучерская Майя Александровна,
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»

Ведущая организация: Институт русской литературы (Пушкинский Дом)
Российской Академии наук

Защита состоится «30» ноября 2011 г. в ^{15⁰⁰} часов на заседании диссертационного совета Д 501.001.26 при Московском государственном университете по адресу: 119991, Москва, Ленинские горы, МГУ, 1-й учебный корпус, филологический факультет.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Автореферат разослан «28» октября 2011

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ

0000680324

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук, доцент

А.Б. Криницын

Биография А.Н. Островского к настоящему моменту изучена недостаточно. В разное время над ее составлением и уточнением успешно работали советские ученые. Основополагающими для своего времени были составленная Л.Р. Коганом «Летопись жизни и творчества А.Н. Островского» (далее — «Летопись»), работы А.И. Дубинской и А.И. Ревякина¹. Значительный вклад в осмысление Островского как человека и художника внесли научно-популярные биографии М.П. Лобанова и В.Я. Лакшина². В 70 - 80 гг. XX в. новый этап в изучении жизни и творчества драматурга открыли «Полное собрание сочинений А.Н. Островского» (далее — ПСС), не имеющее, впрочем, по объективным причинам академического статуса, специальный том «Литературного наследства» и докторская диссертация Лакшина³.

Тем не менее, целый ряд значимых фактов из жизни Островского до сих пор не вписан в его биографию, не введены в научный оборот архивные свидетельства, представляющие несомненную ценность. Кроме того, некоторые из уже используемых архивных данных нуждаются в перепроверке. Отдельной задачей представляется и переоценка роли ряда лиц из окружения Островского с учетом новых сведений об их жизни и деятельности. В любом случае, работы названных выше ученых служат для нас ориентиром: мы не касаемся тех сторон деятельности драматурга, которые представляются нам бесспорными и не нуждающимися в уточнении. В отношении интерпретации собственно творческих особенностей Островского мы опираемся на сложившуюся научную традицию,

¹ Коган Л.Р. Летопись жизни и творчества А.Н. Островского. М., 1953. Дубинская А.И. А.Н. Островский. Очерк жизни и творчества. М., 1951. Ревякин А.И. А.Н. Островский. Жизнь и творчество. М., 1949. Ревякин А.И. Москва в жизни и творчестве А.Н.Островского. М., 1962.

² Лобанов М.П. Островский. М., 1979. Лакшин В.Я. Александр Николаевич Островский. М., 1976.

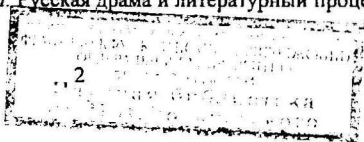
³ Островский А.Н. Полное собрание сочинений: В 12 тт. М., 1973–1980. Литературное наследство. Т. 88. А.Н. Островский. М., 1974. Лакшин В.Я. А.Н. Островский. Проблемы научной биографии. Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук. М., 1981.

в рамках которой значительные успехи достигнуты Н.П. Кашиным, Л.М. Лотман, А.И. Журавлевой⁴.

Отдавая должное названным исследователям, следует, тем не менее, констатировать, что в биографии Островского остается множество белых пятен, изучение которых позволяет существенно уточнить и дополнить уже имеющиеся сведения, а в ряде случаев повлиять и на представление об Островском как личности и литераторе. Особую актуальность данная задача приобретает в связи с явной недостоверностью целого ряда указаний основного справочного источника по биографии драматурга — «Летописи», и во многом «моральной устарелостью» этой фундаментальной работы. Поэтому в нашей диссертации речь идет не только о введении в научный оборот фактов, оставшихся неизвестными Когану, но и об исправлении ряда ошибок, вошедших в наиболее авторитетные биографии Островского из-за некритического подхода к тексту «Летописи». Так, из-за того, что Коган в ряде случаев не отделил никак пересказ архивных источников от содержащих ошибки интерпретирующих уточнений, данные «Летописи» о времени знакомства Островского и историка И.Е. Забелина и о том, к кому из Адлербергов обращался Н.А. Некрасов с ходатайством о пенсии для Островского, оказались недостоверными.

Отдельную проблему представляет собой и изучение ближайшего окружения Островского, а в особенности наименее «ярких» представителей этого окружения. Если мемуарные и эпистолярные источники, касающиеся взаимоотношений драматурга с известными писателями, редакторами и театральными деятелями, опубликованы достаточно полно, то этого никак нельзя сказать о тех архивных документах, которые оставлены родственниками Островского и теми из его друзей, которые не имели прямого отношения к литературно-театральным кругам или занимали в этой среде явно маргинальное положение. Так, из более чем 370 писем брата драматурга М.Н. Островского, чиновника

⁴ Кашин Н.П. Этюды об А.Н. Островском. В 2-х тт. М., 1912. Лотман Л.М. А.Н. Островский и русская драматургия его времени. М., Л., 1961. Журавлева А.И. А.Н. Островский-комедиограф. М., 1981. Журавлева А.И. Русская драма и литературный процесс XIX века. М., 1988.

Государственного контроля, позднее министра государственных имуществ, до настоящего времени было опубликовано полностью лишь 58⁵. Не вошли в существующую публикацию письма, касающиеся ранней служебной практики драматурга, его отношений с братьями, покупки вместе с М.Н. Островским имени Щелыково и другие. Не изданы и дневники друга Островского, чиновника и театрала Н.А. Дубровского, которые, как нам кажется, также могли бы внести существенное уточнение в существующий корпус сведений о жизни драматурга. Подготавливаемая в настоящее время энциклопедия «А.Н. Островский» призвана отчасти решить проблему явного дефицита данных об окружении такого рода.

Еще одним малонизученным аспектом жизни и творчества Островского остается финансовая составляющая его взаимоотношений с редакторами журналов и издателями собрания его сочинений. Принятая в науке точка зрения, согласно которой Островский подвергался безжалостной эксплуатации со стороны издателей сочинений (А.Г. Кушелева-Безбородко, затем Д.Е. Кожанчикова и С.В. Звонарева), как нам кажется, основана на общей «презумпции виновности» книгопродавца перед литератором и не соответствует реальному положению дел. Этим же объясняется и своеобразная «фигура умолчания», принятая в отечественном литературоведении относительно известной ссоры Островского и Некрасова из-за цены на пьесу «Снегурочка», ведь харизматичный и авторитетный редактор «Отечественных записок» предложил коллеге писателю почти вдвое меньше, чем гораздо менее яркий в литературном отношении М.М. Стасюлевич. На наш взгляд, хотя Островский и не претендует на роль литературного дельца, но и роль жертвы жадных издателей ему явно не подходит. Как и в некоторых других своих поступках, драматург здесь обнаруживает чрезвычайную последовательность и сдержанность: он всегда знает цену своих текстов и демонстрирует цепкость в финансовых вопросах. Пересмотр финансового аспекта деятельности Островского позволит нам и «реабилитировать» честного Кожанчикова и неудачливого Звонарева.

---

⁵ Фридкина И.С. Письма М.Н. Островского к Островскому // Литературное наследство. Т. 88. А.Н. Островский. Кн. 1. М., 1974. С. 219–274.

Что же до отношений Островского с Некрасовым, также традиционной темы исследователей Островского, то существующее представление об этих отношениях, на наш взгляд, нуждается в корректировке в сторону ограничения и уменьшения значения влияния редактора на драматурга. Как мы пытаемся показать, переход в «Современник» был для драматурга сменой журнала не на более «идеологически правильный», но на более авторитетный и более прибыльный. Не в последнюю очередь об этом говорят и рассматриваемые нами случаи, когда уже в статусе постоянного сотрудника журналов Некрасова Островский отказывался помещать в них свои пьесы («Доходное место» и «Снегурочка»).

Принципиальная «собранность» и цельность существующего образа Островского, с одной стороны, и несомненное существование белых пятен и ошибок при реконструкции его биографии, с другой стороны, предопределили **структуру работы**. Не обращаясь к тем сторонам и эпизодам биографии драматурга, которые казались нам бесспорными или освещенными верно в научной литературе, мы сосредоточились на тех аспектах его деятельности, которые заслуживают более подробного освещения или представление о которых нуждается в исправлении: 1) отношения Островского с родственниками (М.Н. Островский); 2) малоизвестными театральными деятелями (В.М. Кажинский); 3) театральной цензурой; 4) кругом московской интеллигенции (И.Е. Забелин); 5) финансовый аспект отношений с издателями собрания сочинений (Кушелев-Безбородко, Кожанчиков, Звонарев) и 6) Некрасовым. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения и библиографии, включающей 203 наименования. В приложении приводятся полностью письма М.Н. Островского 1850-х гг. Большая часть из них публикуется впервые.

Важнейшей **целью настоящей работы** мы считаем обнаружение перспективных направлений в изучении биографии А.Н. Островского, в том числе и на основе малоизученных архивных данных. Работу по выявлению новых сведений о жизни драматурга, а также исправлению существующих в научной литературе ошибок и неточностей следует, в широкой перспективе, рассматривать в качестве подготовительного этапа к созданию новой летописи жизни и творче-

ства А.Н. Островского и первого академического собрания его трудов. Для достижения обозначенной цели представляется необходимым решение следующих задач:

- изучить раннюю часть корпуса писем М.Н. Островского к А.Н. Островскому для выявления сведений о ближайшем окружении драматурга конца 1840-х – первой половины 1850-х гг., а также перепроверка существующей публикации на предмет неправильных прочтений и ошибок в комментировании;
- ввести в научный оборот финансовые документы (соглашения, условия, расчеты) и письма к Островскому издателей прижизненных собраний его сочинений для первого полноценного описания этого аспекта повседневной жизни драматурга и корректировки представления о нем как участнике книжного рынка;
- изучить рукопись дневника друга Островского Н.А. Дубровского на предмет сведений о личной встрече драматурга с историком И.Е. Забелиным в 1872 г. для исправления допущенной в «Летописи» и перешедшей в более поздние работы о биографии Островского ошибки, связанной с датой знакомства последних;
- проанализировать узловые моменты взаимоотношений Островского с Некрасовым для создания более точной общей характеристики этой ключевой для драматурга связи.

Апробация работы. По теме диссертации были сделаны доклады на следующих конференциях:

1. XXXV Некрасовская конференция (Санкт-Петербург, февраль 2010 г.)
2. Международная конференция молодых филологов-славистов (Тарту, апрель 2010 г.)
3. Конференция, посвященная жизни и творчеству Островского. (Шуя, май 2010 г.)

4. XII Международная научная конференция молодых филологов (Таллин, февраль 2011 г.)

5. Вторые Некрасовские чтения в Пушкинском доме (Санкт-Петербург, апрель 2011 г.)

6. Международная конференция молодых филологов-славистов (Тарту, апрель 2011 г.)

Содержание диссертации

Первая глава («Цензурный, журнальный и театральный контекст и малоизученное окружение А.Н. Островского в конце 1840-х – 1850-х годах») открывается обзором неопубликованных писем М.Н. Островского к брату, относящихся к 1848 – 1855 гг. и представляющих несомненный интерес ввиду явного дефицита сведений о раннем этапе жизни и творчества драматурга (*первый раздел*). В 1849 г. М.Н. Островский был определен в канцелярию симбирского губернатора, затем в феврале 1854 г. он был переведен в Петербург. Хронологически эпистолярное наследие М.Н. Островского можно разделить на две неравные части – условно симбирскую и петербургскую.

В первую часть входят, главным образом, письма из Симбирска 1848 – 1853 гг. Они описательны, здесь много подробностей, относящихся к службе в канцелярии симбирского губернатора и симбирскому быту, которые могут быть интересны с точки зрения общей картины провинциального быта середины XIX века (см., например, рассказ о «буйстве» корнета Ниротморцева в письме от 16 апреля 1849 г.). Однако из этих писем извлекаются и очень ценные сведения о жизни и творчестве А.Н. Островского, в частности, в них зафиксирован момент смерти отца братьев Островских и раздел его наследства, содержатся сведения по предполагавшемуся участию М.Н. Островского в «Москвитянине» с циклом «Письма из провинции», по состоявшемуся зимой 1849 г. посещению А.Н. Островским и Е.Н. Эдельсоном Самары по делу Е.А. Хардиной, ставшей впоследствии женой Эдельсона.

Письма из Петербурга охватывают широкий спектр общественных явлений 1854 – 1855 гг. и различные обстоятельства семейной жизни Островских. В этот период М.Н. и А.Н. Островские активно обсуждают характер и поступки брата

Сергея, о котором, как и вообще о большей части родственников драматурга, известно крайне мало. Из писем М.Н. Островского, в частности, следует, что С.Н. Островский требовал от братьев обращения завещанного отцом недвижимого имущества в деньги с последующим разделом либо выплаты ему стоимости его доли наследства, на что братья долго не могли пойти (см. письмо от 20 августа 1854 г.). В осенней переписке 1854 г. братья обсуждают потерю С.Н. Островским места управляющего помещьем и его решение поступить на военную службу, а также связанные с этим проблемы.

Значительное место в «петербургских» письмах 1854 – 1855 гг. занимает изложение «переворотов» в системе Государственного контроля, к которым М.Н. Островский имел непосредственное отношение по своим служебным обязанностям: смерть руководителя ведомства графа А.Г. Кушелева-Безбородко и повышение непосредственного начальника и покровителя М.Н. Островского В.А. Татаринова. Несмотря на то, что эти подробности как будто не имеют прямой связи с вопросом о взаимоотношениях братьев, развитие карьеры М.Н. Островского не только позволяет увидеть сложности, с которыми неизбежно сталкивался талантливый чиновник без высокой протекции, но и выяснить, как именно М.Н. Островский добился того положения, которое помогало ему впоследствии поддерживать многочисленное семейство брата-драматурга.

Любопытным представляется поднимаемый в этих письмах вопрос о способе получения А.Н. Островским перспективной платы из петербургской театральной конторы. Желая избавить брата от необходимости всякий раз запрашивать пересылку этих денег в Москву, М.Н. Островский предлагает свои услуги и просит прислать ему доверенность. Такой вариант почему-то не устраивал драматурга, и он медлил с подготовкой и передачей документа.

Наиболее интересной составляющей настоящих писем представляются отзывы М.Н. Островского о первых постановках на петербургской сцене пьес «Бедность не порок» и «Семейная картина». Соответствующие письма (от 11 сентября 1854 г. и 13 октября 1855 г.) вошли в публикацию И.С. Фридкиной, однако в них допущены досадные неточности, искажившие смысл сообщений М.Н. Островского. Каждому из этих эпизодов посвящен отдельный раздел пер-

вой главы диссертации.

Второй раздел первой главы диссертации посвящен вопросу об участии А.Н. Островского в деле купца Коробова. Мы попытались показать, что это юридическое предприятие могло послужить одним из реальных источников сюжета первой крупной комедии Островского «Свои люди — сочтемся!». Первое упоминание какого-то «коробовского дела» встречается в письме М.Н. Островского из Симбирска от 25 марта 1849 г. Очевидно, в Симбирск в марте 1849 г. автор письма привез некое поручение от брата, касающееся купца И.И. Коробова — дяди И.И. Шанина, близкого знакомого драматурга. Между прочим, это самое раннее упоминание связи Островского с Коробовым. Речь идет о долговом документе, по которому М.Н. Островский должен был взыскать деньги с некой Брызгаловой. При этом выясняется, что добровольно возвращать деньги должница не собиралась, и А.Н. Островский в письме к брату из Москвы просил потребовать у нее погашения долга через полицию. Характерно, что, как это видно из следующих писем, избежать выплаты долга Брызгалова собиралась через процедуру банкротства, в деталях совпадающую с аферой Большова из «Своих людей»: здесь и перевод имущества на зятя с дальнейшим объявлением несостоятельности, и «слезы», которым, что характерно, сам А.Н. Островский призывает брата не верить.

Наиболее существенным препятствием к тому, чтобы считать, что «Свои люди — сочтемся!» является своего рода реакцией Островского на коробовское дело, оказывается хронология. Рассмотренные письма относятся, очевидно, к концу работы Островского над текстом пьесы. Более того, известно, что уже в феврале 1849 г. в Самаре, куда Островский приезжал вместе с Е.Н. Эдельсоном, поверенным по другому делу, драматург уже читал некий текст, который принято считать ранней версией «Своих людей». Однако ни то, как выглядели «Свои люди» в начале 1849 г., ни то, когда именно началось это коробовское дело, не известно.

Во всяком случае, если допустить, что долговая тяжба Коробова и Брызгаловой — дело не одного года (а основания к этому есть) и что в данном случае мы сталкиваемся лишь с ее финальной фазой, коробовское дело явно претенду-

ет на роль одного из источников сюжета «Своих людей». По крайней мере, нам не известно ни одного другого дела о злонамеренном банкротстве, в котором Островский участвовал бы не как сотрудник Коммерческого суда, а как заинтересованное лицо, выступающее посредником между своим знакомым и его должником.

Третий раздел посвящен истории первой постановки комедии «Бедность не порок» на петербургской сцене. Исследователями проигнорирован тот факт, что премьера спектакля в Александринском театре состоялась только в следующем сезоне после постановки в Малом театре в Москве. Между тем, в одной из небольших заметок в «Москвитянине»⁶ задержка прямо связывалась с тем, что для спектакля не была вовремя написана музыка. Оставляя в стороне вопрос о том, почему в Петербурге нельзя было использовать уже готовую музыку А.И. Дюбюка, мы обратились к фигуре капельмейстера Александринского театра и автора музыки в петербургском спектакле В.М. Кажинского. Неправильно прочитав фамилию Кажинского в письме М.Н. Островского от 11 сентября 1854 г., И.С. Фридкина не прокомментировала данное место, а между тем автор письма сравнивает музыку Дюбюка и Кажинского, явно заранее предчувствуя вопрос драматурга. Анализ переписки Островского с актерами (Ф.А. Бурдиным, И.Е. Климовским) и братом показал, что и в собственно художественном отношении музыка к спектаклю более всего беспокоила драматурга. Лейтмотивом этих писем стал вопрос о том, может ли польский композитор передать специфический «русский дух» песен и романсов «Бедности не порок». Особенно острой эта проблема оказывается в связи с тем, что, во-первых, Кажинский пользовался репутацией талантливого автора полек, то есть музыки национально специфичной, а во-вторых, сама полька оказывается в ранних произведениях Островского атрибутом пошлости, разгула и прожигания жизни. В частности, в рассказе о своей бурной молодости Любим Торцов упоминает в том числе и польку («Шпилен зи полька, дайте еще бутылочку похо-

---

⁶ Петербургский вестник // Москвитянин. 1854. №1. Отд. 7. С. 67–73.

лоднес»), а в самом конце «Своих людей» Подхалюзин обещает Липочке научиться польку танцевать.

Четвертый раздел первой главы также связан с исправлением неточности в первой подборке писем М.Н. Островского. Перечисляя цензурные вырезки из комедии «Семейная картина», разрешения которой к собственному бенефису в это время добился Ф.А. Бурдин, М.Н. Островский, по версии И.С. Фридкиной, писал: «В бенефис Бурдина давали твою пьесу «Сцены семейного счастья», которая была разыграна довольно удовлетворительно и понравилась публике. Изменена она была цензурой немного: вместо «поездки в Симонов монастырь» фигурировала поездка «к тетушке»; хватъ похватъ и фраза «насчет телесного сложения» выброшена». В действительности это место письма читается не как «хватъ похватъ и фраза «насчет телесного сложения» выброшена», а как «хватъ похватъ, ан дыра в горсти» и фраза «насчет телесного сложения» выброшена». При этом выражение «хватъ похватъ, ан дыра в горсти» заключено в кавычки, то есть имеется в виду некая цитата из текста «Семейной картины». Это существенное уточнение, однако, не облегчает понимание ситуации, а напротив, вводит новую проблему, ведь смысл цензурных претензий к поговорке «хватъ похватъ, ан дыра в горсти» не ясен.

Допустив, что при известной степени изобретательности в этом выражении можно увидеть обценное содержание, мы задались вопросом о том, что могло послужить поводом для столь сложного интерпретационного маневра. Вероятно, речь в данном случае шла не о недопустимости конкретно этого выражения, а о некоторой более общей претензии ко всему монологу, содержащему эту фразу. В нем речь идет о промотавшемся дворянине, вынужденном искать выгодного брака с богатой купеческой дочерью. Из мемуарных свидетельств барона Н.В. Дризсна, равно как и из многих других источников, известно, что в рассматриваемый период театральная цензура была гораздо жестче литературной и не пропускала обличения дворянского сословия, в целом возможного в печатном тексте.

Более того, исключительное внимание цензора к этому эпизоду могло быть инспирировано лично начальником третьего отделения Л.В. Дубельтом. Из

воспоминаний Бурдина о предпринимавшихся им попытках проведения пьесы на сцену известно, что при личной встрече с актером Дубельт интересовался, нет ли в пьесе «политического», чего-либо «против религии» и «против общества». На наш взгляд, именно опасения, связанные с тем, что в пьесе увидят что-либо «против общества», привели к изъятию или смягчению эпизода, содержащего фразу «хвать похвать, ан дыра в горсти».

В *пятом разделе* речь идет о многократно обсуждавшемся в науке вопросе о переходе А.Н. Островского в «Современник» в 1856 г. На наш взгляд, этот переход был обусловлен не изменением идеологических установок Островского, как принято было считать, а поиском журнала, в наибольшей мере отвечавшего авторитетному статусу самого Островского после распада молодой редакции «Москвитянина». С этой точки зрения рассматривается письмо Островского Некрасову от 1 августа 1856 г., в котором автор, обманывая адресата, сообщал, что уже отдал «Доходное место» в славянофильский журнал «Русская беседа», хотя на самом деле в это время даже не приступал еще к его написанию. Этот маневр интерпретируется нами как попытка избежать финансовых санкций, предусматривавшихся одним из пунктов «обязательного соглашения», заключенного в начале 1856 г. редакцией «Современника» с группой литераторов, в том числе и Островским. Будучи оторван от петербургской литературной жизни (в отличие от других участников соглашения), Островский понимал «условия» как действительный финансовый документ, а не джентльменское соглашение. С другой стороны, то обстоятельство, что, имея в январе 1857 г. на руках две законченные пьесы (вторая — «Праздничный сон — до обеда»), лучшую из них Островский отдает в журнал своего приятеля по «Москвитянину» Тertia Филиппова, позволяет считать, что обязательства перед старыми друзьями и в это время были для драматурга важнее, чем обещания (даже формально закрепленные, нарушение которых теоретически угрожало потерей денег) Некрасову. В то же время и для старых сотрудников «Современника» Островский, похоже, еще не был своим человеком. Так, в том же 1857 г. в «Современнике» был опубликован «физиологический очерк» еще одного участника соглашения, Д.В. Григоровича, «Скучные люди» (1857, №11), содержащий

памфлет на Островского и его москвитяническое окружение. Сам драматург изображен здесь как «опиумный господин»⁷, навевающий на всех скуку, но в одном доме приводящий всех в благоговение и энтузиазм. Важно, что намеки Григоровича наверняка были понятны Некрасову, не воспрепятствовавшему тем не менее их появлению на страницах «Современника».

Шестой раздел первой главы посвящен вопросу о времени знакомства Островского и историка И.Е. Забелина, консультировавшего драматурга в ходе работы над комедией «Комик XVII столетия». Традиционной считалась точка зрения, согласно которой оно произошло 27 октября 1872 г., когда, как сообщает «Летопись», Н.А. Дубровский привел Островского в гости к Забелину «знакомиться и благодарить». Некритическое отношение к тексту «Летописи» отразилось в известных биографических работах А.И. Ревякина и М.П. Лобанова. Оспаривая эту версию, А.А. Формозов заключил, что знакомство Островского и Забелина должно было состояться ранее и относится ко времени их совместной работы в «Москвитянине»⁸. При этом очевидно, что достоверность данных «Летописи» не подвергалась исследователем сомнению. Между тем, слова «знакомиться и благодарить» вовсе не являются цитатой из дневника Дубровского, на который в данном случае ссылается Л.Р. Коган. Знакомство с этим неопубликованным источником, хранящимся в ОР РГБ⁹, убеждает в том, что речь идет не о первом вообще свидании драматурга и историка, но лишь о первой встрече, состоявшейся в присутствии Дубровского. Более того, дневниковая запись никак не датирована, тогда как составитель «Летописи», предположив, что ближайшая из приведенных выше дат (28 сентября) относится и к описанию встречи Островского и Забелина, заключил, что речь идет об описке, а встреча состоялась 27 октября (28 октября — суббота, а из других источников известно, что встреча произошла во вторник или в пятницу). В действительности данное свидание случилось 24 октября 1872 г. (то есть во вторник), об этом стало известно из недавно опубликованного дневника самого Забелина. В целом же, на

⁷ Современник. 1857. № 11. Отд. I. С. 57.

⁸ Формозов А.А. И.Е. Забелин и А.Н. Островский // Московский журнал. 1992, № 3. С. 57–59.

⁹ НИОР РГБ, ф. 94, оп. 3, ед. хр. 28, л. 10–10 об.

основании имеющихся свидетельств нельзя однозначно утверждать ни того, что знакомство Забелина и Островского случилось в 1872 г., ни того, что оно относится к первой половине 1850-х гг. Однако вторая версия представляется нам более вероятной.

Вторая глава — «Финансовые аспекты взаимоотношений А.Н. Островского с издателями его сочинений в 1860-х – первой половине 1870-х годов». В первых трех разделах речь идет об обстоятельствах издания второго и третьего собрания сочинений драматурга. История выхода в свет первого собрания 1859 г. (издатель — А.Г. Кушелев-Безбородко) затронута лишь отчасти, так как финансовое положение Кушелева-Безбородко позволило ему подготовить и выпустить двухтомник, фактически не вовлекая Островского в технические детали предприятия.

Не так дело обстояло с издателями Д.Е. Кожанчиковым и С.В. Звонаревым, в гораздо большей степени зависимыми от экономического успеха сделки и собственного кредитного статуса. В *первом разделе* второй главы речь идет о взаимоотношениях Островского с Кожанчиковым, связанных с продолжением кушелевского собрания тремя новыми томами и последующим переизданием первых двух томов. Необходимость нового собрания сочинений Островского, более полно отражающего его творчество, начинает осознаваться в кругу драматурга примерно в середине 1860-х гг. Сам Островский хотел приступить к этому предприятию гораздо раньше, чем оно в итоге было осуществлено, но в продаже оставалось большое количество нераспроданных томов первого издания. В нарушение договора Кушелев-Безбородко напечатал на две тысячи томов больше, чем предполагалось.

Когда именно драматург познакомился с издателем Д.Е. Кожанчиковым, неизвестно, но, очевидно, знакомство могло произойти при посредничестве Некрасова или, что вероятнее, С.В. Максимова — друга Островского и приятеля самого Кожанчикова. Время заключения соглашения между Кожанчиковым и Островским об издании нового собрания сочинений и подробности финансовых условий точно не известны. Однако очевидно, что договоренность была достигнута после 4 ноября 1864 г., когда Некрасов в письме к Островскому упоми-

нал Кожанчикова как скорее всего незнакомого драматургу книготорговца, и до 16 декабря 1865 г., то есть до даты письма Максимова Островскому, в котором Кожанчиков фигурирует уже в качестве издателя собрания.

Из писем Кожанчикова Островскому, хранящихся в ГЦТМ им. Бахрушина и впервые вводимых нами в научный оборот, выясняется, что издатель из-за собственных финансовых трудностей не смог напечатать третий и четвертый тома собрания в январе – феврале 1866 г. (как предполагалось изначальным договором) и предложил драматургу новый контракт, отличавшийся от старого лишь смещением сроков начала производства.

Писем Кожанчикова за 1867 г. не сохранилось. Однако издание собрания сочинений было успешно осуществлено, а выплаты авторского гонорара производились регулярно в означенные сроки. Заключение комментаторов ПСС о том, что «Кожанчиков задерживал свои расчеты по III и IV томам Собрания сочинений Островского», основанное на письме драматурга жене, предположительно датированном концом марта 1867 г.¹⁰, крайне сомнительно. Просьба Островского «схлопотать дело с Кожанчиковым», обращенная к Ф.А. Бурдину и содержащаяся в письме от начала сентября 1868 г., подразумевает не выплату старых долгов, как полагают составители ПСС, а вопрос об издании пятого тома.

Из писем Бурдина 1869 г. известно, что Кожанчиков все еще оставался должным Островскому некоторую сумму, потому что «положенное в условии число экземпляров не продано». Очевидно, речь идет о последней, четвертой тысяче рублей, для которой контрактом не был оговорен срок платежа. Окончательный расчет с автором должен был быть произведен после распродажи всех или значительной части выпущенных томов. Таким образом, в данном случае юридическая правота оказывается на стороне издателя, если, конечно, он не обманывал Островского относительно количества проданных экземпляров. Следует признать и неудачность самой договоренности (впрочем, типовой для того времени), ведь в руках писателя не было фактически ни одного инстру-

---

¹⁰ В диссертации предлагается иная датировка этого письма.

мента для контроля за ходом продаж. Сам Островский при этом осознавал юридическую правоту своего издателя. Об этом свидетельствует как минимум то обстоятельство, что, несмотря на выраженное в письме Бурдину недоверие к Кожанчикову, драматург не изменил намерения продать право на издание пятого тома именно ему.

Как видно из вводимого в оборот текста договора от 1 ноября 1869 г. об издании пятого тома собрания, в числе основных условий соглашения есть и пункт, запрещающий Островскому продажу прав на новое издание до распродажи предыдущего¹¹. Именно эта типовая договоренность и послужила причиной последовавшего в 1874 г. конфликта между Кожанчиковым и Островским, разбираемого нами в дальнейшем. И, сугубо юридически, издатель вновь был в этом конфликте правым.

Два июльских письма Кожанчикова 1870 г. — к М.Н. и А.Н. Островским — показывают, что и по пятому тому расчет произошел вовремя или лишь с незначительной задержкой, извиняемой тем обстоятельством, что Кожанчиков не знал текущего адреса драматурга. Поэтому мнение комментаторов ПСС о том, что в письмах Островского жене из Петербурга от 18 января 1871 г., Максимо-ву (конец марта — начало апреля 1871 г.) и Бурдину от 10 апреля 1871 г. речь идет о задолженности Кожанчикова по пятому тому собрания, представляется нам абсолютно неверной. Разумеется, в это время драматург мог требовать «от старца Димитрия», как называли Кожанчикова в ближайшем кругу, лишь оставшейся части денег по старому контракту — пресловутой четвертой тысячи.

Так или иначе, финансовая сторона отношений Кожанчикова и Островского весной 1871 г. была полностью закрыта к обоюдному удовлетворению сторон. Вопреки мнению составителей ПСС Кожанчиков проявил исключительную точность в исполнении своих финансовых обязательств перед драматургом. Сам Островский, очевидно, в честности издателя не сомневался, так как вполне серьезно рассматривал в конце 1871 г. возможность продолжения сотрудничества с ним и выпуска следующего, шестого тома.

---

¹¹ ГЦТМ, ф. 200, ед. хр. 3500.

К этому времени, очевидно, в ближайшем кругу Островского начала ощущаться необходимость в подготовке нового собрания, которое не столько могло бы справиться с реально существовавшим или, что вернее, предполагавшимся дефицитом кожанчиковского издания, сколько более адекватно представляло бы Островского в качестве ведущего драматурга эпохи. Новому издательскому предприятию посвящен *второй раздел* второй главы диссертации.

Интерес к изданию Островского С.В. Звонарев стал проявлять еще в апреле 1868 г. Кожанчиков и Звонарев были коммерческими партнерами. Именно поэтому Кожанчиков не препятствовал планировавшемуся изданию нового собрания Островского (как это произойдет в 1874 г. с изданием Краевского), хотя и предлагал взамен продолжение своего. Переговоры со Звонаревым, проходившие при посредничестве Максимова, привели к заключению в самом конце 1871 г. договора, по которому Островский должен был получить 9000 рублей за издание семитомного собрания сочинений. Текст этого архивного документа, а также составленный около этого времени письменный расчет расходов и доходов от предполагавшейся сделки впервые приводятся в тексте диссертации¹². Убыточность издания при условии правильности расчета составляла более 2000 руб. Поэтому сделать предприятие доходным было решено за счет двукратного увеличения числа экземпляров по сравнению с изначально планировавшимся, т.е. с двух до четырех тысяч экземпляров. Что касается авторского гонорара, то его сумма неоднократно менялась во время переговоров, ход которых реконструируется нами полностью.

Расстроивший свои дела Звонарев не приступил вовремя к печатанию книг и задерживал выплату авторского гонорара. В марте 1873 г. к предприятию подключился Некрасов, взявший на себя выполнение финансовых обязательств перед Островским. В письме от 10 мая Некрасов написал драматургу, что выступит в деле половинщиком Звонарева. Текст «условия», заключенного Некрасовым и Звонаревым, неизвестен. Более всего, на наш взгляд, в этой ситуации любопытно то, что введение в дело третьего лица было осуществлено фактиче-

---

¹² ГЦТМ, ф. 200, ед. хр. 3501–3502.

ски без ведома Островского. Звонарев буквально поставил драматурга перед фактом передачи дела Некрасову. Очевидно, при условии регулярного и точного выполнения новой стороной приобретенной ею части обязательств такая передача не считалась нарушением моральных норм. Так или иначе, и этому предприятию не суждено было осуществиться. В середине ноября 1873 г. Некрасов сообщил Островскому о решительном расстройстве дел Звонарева, а также отказался от продолжения издания в одиночку.

Моральная проблема, которая в сложившихся условиях беспокоила Островского и о которой известно из его переписки с Некрасовым осенью 1873 г., заключалась в вопросе о взыскании неустойки с издателя по действовавшему контракту. Считая Звонарева разорившимся по неосторожности, Островский полагал, что «совестно отнимать у нищего последнюю суму». Сообщение Некрасова о том, что Звонарев приобрел «порядочный дом», как бы развязывало руки драматургу, согласившемуся, что «при таком нарушении условия взять неустойку» он полагает справедливым. Другое дело, что не совсем понятно, о какой именно неустойке могла в данном случае идти речь. Долгов по этому делу у Звонарева перед Островским в ноябре 1873 г. не было. 3600 руб., о которых несколько раз говорится в переписке Некрасова и Островского, — это сумма, следовавшая драматургу по «условию» за 1872 и 1873 гг. Единственное, за что действительно мог быть оптрафован Звонарев, так это за задержку с выплатой второй части суммы за 1873 г. в 1000 руб. То есть речь могла идти о штрафе в 200 руб. за двухмесячную просрочку платежа, предусмотренном третьим пунктом «условия». Однако своевременное извещение Звонаревым Островского о том, что права на издание были переданы Некрасову, должны были еще сократить сумму штрафа. Была ли реально взыскана неустойка, неизвестно. Таким образом, реальные финансовые претензии Островского к Звонареву не могли быть существенными.

Уже в декабре 1873 г. Некрасов вновь поменял свое решение и предложил Островскому совместный с Краевским договор об издании восьмитомного собрания. Об этом предприятии речь идет в *третьем разделе* второй главы.

По существу новое «условие» дублировало основные положения контракта Островского со Звонаревым, перенося лишь сроки платежей на более поздние. Кроме того, из разницы в итоговой стоимости контрактов следует, что собранный к этому времени восьмой том Островский продал за 1500 руб. В записке к Краевскому от 19 декабря Некрасов сообщил, что в ответ на увеличение гонорара он попросит у Островского увеличения и тиража. Как показывает текст «условия», предложенный Некрасовым «размен» удовлетворил Островского. Совершенно очевидна ошибка комментаторов ПСС Некрасова, предположивших, что под «прежним условием» имеется в виду «устная договоренность» об издании 7-томного собрания Островского. Речь в записке Некрасова, разумеется, идет о договоре Островского со Звонаревым.

Все восемь томов вышли в 1874 г. В этом отношении издание Некрасова и Краевского было наименее проблемным из всех прижизненных собраний Островского. Деньги автору также выплачивались регулярно. Поэтому юридическая передача самого договора и вскоре подписанного дополнения к нему, предусматривавшего равное участие Некрасова и Краевского в издержках и доходах издания, И.И. Глазунову в мае 1877 г. заключалась собственно в переходе к нему преимущественного права на продолжение собрания следующими томами при условии обеспечения авторского гонорара в 2000 рублей и тиража в 4100 экземпляров, а также в переходе в собственность Глазунова не распроданных к тому моменту экземпляров собрания.

Проблемы пришли с той стороны, с которой их не ждали ни драматург, ни его новые издатели. Оказалось, что у Кожанчикова, книготорговое дело которого в это время терпело бедствие, остались нераспроданными экземпляры 3 – 5 томов его издания. Напомним, что согласно сохранившемуся соглашению по пятому тому, а также предположительно по условию, регулировавшему издание третьего и четвертого томов, Островский не имел права начинать нового собрания до полной распродажи кожанчиковского. В случае нарушения этого пункта «условия» Островский обязан был уплатить Кожанчикову наличными деньгами за все остающиеся непроданными экземпляры по продажной их цене за уступкою двадцати процентов. О претензиях Кожанчикова известно из его

ранее не опубликованного письма к драматургу. Суммарный ущерб оценивался Кожанчиковым в 2000 рублей, однако после переговоров с Некрасовым, которые подробно восстанавливаются в диссертации, он согласился на 700 рублей.

Юридически же вновь прав был издатель. С этим согласился и сам Некрасов, утверждавший при этом, что Кожанчиков при переговорах о несостоявшемся издании Звонарева заранее отказывался от всех претензий. Некрасов в данном случае не учел статус Звонарева как друга и партнера Кожанчикова: то, что последний позволил бы (возможно, с выгодой для себя) Звонареву, он не собирался позволять Некрасову с Краевским. Присоединяясь к мнению Краевского, Некрасов также писал Островскому, что, если дело дойдет до суда, которым угрожал Кожанчиков, платить все равно придется.

Рассмотренная нами история издания прижизненных собраний сочинений Островского, как кажется, позволяет не только описать совершенно особую сферу повседневной жизни драматурга и окунуться в литературный или окололитературный быт эпохи. Как нам хотелось показать, сама роль издателя на идеологической (в широком смысле) карте эпохи нуждается в пересмотре. Издатель в подавляющем большинстве случаев не был паразитом, стремившимся к наживе за счет гениев и талантов, а напротив, оказывался самым рискованным игроком в книгоиздательском предприятии.

Заключительный *четвертый раздел* второй главы посвящен известному сюжету о ссоре Некрасова и Островского весной 1873 г. из-за цены, предложенной редактором «Отечественных записок» за пьесу «Снегурочка». Тысяча рублей действительно могла показаться Островскому слишком малым гонораром за крупную пьесу с учетом, что за комедию «Комик XVII столетия» драматург получил в 1872 г. 1700 рублей, а М.М. Стасюлевич в конечном итоге за публикацию «Снегурочки» в «Вестнике Европы» заплатил Островскому 1800 рублей. В отличие от традиционного способа интерпретации этой ссоры, основанного на полном доверии к аргументам Некрасова (большой объем издержек на первые книги «Отечественных записок» 1873 г. и опасность «выйти из бюджета»), мы предлагаем считать цену Некрасова способом вежливо отказать Островскому в помещении пьесы, не отвечающей направлению журнала, и со-

хранить при этом важного сотрудника. В качестве дополнительного аргумента мы использовали критику Писаревым «Воеводы» в 1865 г., наверняка памятную самому Некрасову, ведь направлена она была не столько против драматурга, в котором Писарев к этому времени уже не видит большого таланта, сколько против журнала, допустившего на свои страницы явно фантастическое произведение, не отвечавшее запросам демократической публики.

Сами аргументы Некрасова, выдвинутые им в ходе переписки с Островским весной 1873 г., представляются нам вынужденными, связанными с необходимостью «оправдаться» перед слишком бурно защищавшим свою пьесу драматургом. Разделяя экономическую и эстетическую стоимость текста, Некрасов указывает на полную зависимость первой от текущих финансовых обстоятельств журнала и даже высказывает радикальную идею полного игнорирования большего или меньшего художественного достоинства литературного произведения.

Проанализировав саму риторику писем Некрасова, мы приходим к выводу, что она построена на действительно имевших место в конце 1840-х гг. утопических проектах перестройки журнального хозяйства в сторону более справедливого распределения прибыли между участниками литературного проекта. Желая лишить имя автора его спекулятивного свойства, в ранних альманахах Некрасов прибегал к новаторским схемам, согласно которым либо гонорар рассчитывался уже после получения прибыли от реализации сборников, либо доход вовсе распределялся между наиболее нуждавшимися участниками. Так или иначе, эти схемы неизбежно отводили вопрос о сравнительном эстетическом достоинстве произведений на второй план. В 1873 г. эти проекты для самого Некрасова были уже пройденным этапом.

Несмотря на бурное проявление недовольства предложением Некрасова, как нам кажется, Островский понял ситуацию совершенно верно. Кроме продолжения активного сотрудничества драматурга в «Отечественных записках» об этом свидетельствует тот факт, что еще по ходу ссоры с Некрасовым он через своих петербургских друзей занимался поиском более щедрого покупателя «Снегурочки» (и нашел его в итоге в лице Стасюлевича).

В результате проделанной работы мы пришли к следующим **выводам**, изложенным в **заключении**.

Биография Островского раннего периода обычно описывается на основе из ограниченного списка мемуарных и эпистолярных источников, при этом сложилась некая презумпция того, что этими источниками и исчерпывается документальная база; между тем, эта база может быть расширена, в том числе за счет материалов, известных и отчасти использованных, но не в полном объеме и не всегда должным образом. Так, ранние (1848 – 1855) письма М.Н. Островского содержат множество ценных сведений о биографии А.Н. Островского, которые еще нуждаются в осмыслении и систематизации, в том числе о разделе наследниками Н.Ф. Островского его имущества, об отношениях между братьями Островскими и судебной практике А.Н. Островского в Коммерческом и Совестном судах; о начале работы А.Н. Островского в погодинском «Москвитянине» и неосуществившемся сотрудничестве самого М.Н. Островского в этом журнале. База источников сюжета первой крупной комедии А.Н. Островского «Свои люди – сочтемся!» изучена далеко не полным образом: помимо собственно литературных источников, о которых уже говорилось в научной литературе, возможно обнаружить источники другого типа. Как нам кажется, их следует искать в деловой практике молодого Островского, в том числе, например, в деле купца И.И. Коробова, о котором известно из симбирской части писем М.Н. Островского.

Чрезвычайно ценный и богатый подробностями о Москве времен Островского дневник Н.А. Дубровского, приятеля драматурга, нуждается если не в полной публикации, то как минимум в гораздо более пристальном внимании, чем то, которое было проявлено к нему до сих пор; в частности, те сведения, которые из него уже извлечены и использованы в науке об Островском, должны быть перепроверены. Об этом говорит разбираемый нами случай, когда на основании дневника Дубровского Л.Р. Коганом был сделан неправильный вывод о времени знакомства Островского с историком И.Е. Забелиным, и эта ошибка не только вошла в авторитетные работы об Островском, но и курьезным образом повлекла за собой полемику.

Корпус финансовых документов и переписки Островского с издателями со-
браний его сочинений, хранящийся в РО ГЦТМ, должен лечь в основу описа-
ния той важной части жизни писателя, которая до сих пор не признавалась дос-
тойной исследования и в тех случаях, когда о ней приходилось упоминать,
трактовалась исходя из стереотипных представлений о взаимоотношениях рус-
ского писателя с книгопродавцами. Кстати, анализ этого корпуса позволяет
внести важные коррективы в датировки и комментирование писем не только
Островского, но и Некрасова, в которых речь также идет о финансовых вопро-
сах. Сама фигура книгопродавца – на основании указанных выше документов –
получает новое и более справедливое освещение: издатель оказывается не экс-
плуататором наивного и не приспособленного к ведению дел литератора, но
полноценным игроком книжного рынка со своими законными интересами и
своим вкладом в общее дело.

Более внимательное отношение к доступным данным о цензурировании
пьес Островского для театра (например, суфлерским экземплярам в СПбГТБ)
может позволить не только более полноценно описать сценическую судьбу
этих пьес, но и сказать что-то новое о самом цензурном механизме, логике цен-
зора и тех, кто над ним стоит. Вообще в истории сценического бытования пьес
Островского много белых пятен, в частности, есть такие фигуры в театральной
жизни, взаимодействие которых с Островским и его текстами не получило
должного освещения. В нашем случае речь идет о довольно известном в теат-
ральных кругах композиторе польского происхождения В.М. Кажинском; не-
ожиданным образом сорвавшаяся из-за не написанной Кажинским вовремя му-
зыки петербургская премьера «Бедности не порок» и комментарии корреспон-
дентов Островского об этой истории обнаруживают в кругу драматурга и, ви-
димо, в самом Островском априорно не предполагавшуюся обеспокоенность
возможным отражением польского культурного влияния в музыке к пьесе и це-
лесообразностью такого влияния.

Один из наиболее полно описанных аспектов биографии Островского –
взаимоотношения с Некрасовым и его журналами – нуждается в существенных
уточнениях, несмотря на то, что здесь необходимые источники введены в науч-

ный оборот давно и полно. «Переход» Островского в некрасовский «Современник» до сих пор понимался как переход в идеологически близкий журнал. Между тем хотя бы на примере истории публикации «Доходного места» в славянофильской «Русской беседе» вопреки заключенному незадолго до этого «обязательному соглашению» видно, что в основании мотивов поступков и решений Островского лежали в том числе внеидеологические факторы: личная близость к приятелям по «молодой редакции» «Москвитянина» или финансовые соображения. И в период стабильного сотрудничества Островского в «Отечественных записках» были возможны конфликтные ситуации, которые не обсуждались в науке или оценивались только как недоразумения. Как нам кажется, однако, довольно известная ссора Островского с Некрасовым, связанная с материальной и эстетической оценкой «Снегурочки», была неслучайной. В действительности имела место попытка Некрасова отказать Островскому, сохранив на будущее его как ценного сотрудника. Итак, на наш взгляд, необходимо ограничение устоявшегося мнения о значительном мировоззренческом родстве Островского и Некрасова.

Надеемся, что показанные случаи, когда привлечение неизученных архивных источников, уточняющее прочтение известных или взгляд на уже обсуждавшиеся сюжеты с актуальных позиций приводят к хотя и частным, но новым результатам, задают спектр проблем, которые в рамках построения научной биографии Островского могли бы выйти на первый план.

Основные положения работы отражены в следующих публикациях:

1. Письма М.Н. Островского к А.Н. Островскому: 1848–1849 // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2011. № 3. С. 194–221.
2. А.Н. Островский и И.Е. Забелин в октябре 1872 года (Из уточнений к «Летописи жизни и творчества А.Н. Островского») // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2011. № 6. *В печати.*
3. «Шпилен зи полька»: О причинах переноса премьеры комедии Островского «Бедность не порок» в Петербурге // Studia Slavica. Сборник научных трудов молодых филологов. Выпуск 11. Таллин, 2012. *В печати.*

4. Письма М.Н. Островского к А.Н. Островскому (1851–1855) // Памяти А.И. Журавлевой. М., 2011. *В печати.*
5. К вопросу о публикации «Доходного места» в журнале «Русская беседа» // А.Н. Островский. Материалы и исследования. Сборник научных трудов. Выпуск 3. Шуя, 2010. С. 115–122.
6. Цена пьесы: ссора Некрасова и Островского из-за «Снегурочки» // Русская филология. Сборник научных работ молодых филологов. Выпуск 22. Тарту, 2011. С. 61–67.
7. О возможном источнике пьесы А.Н. Островского «Свои люди — сочтемся!» // Русская филология. Сборник научных работ молодых филологов. Выпуск 23. Тарту, 2012. *В печати.*

Отпечатано в копицентре « СТ ПРИНТ »
Москва, Ленинские горы, МГУ, 1 Гуманитарный корпус.
e-mail: globus9393338@yandex.ru тел.: 939-33-38
Тираж 100 экз. Подписано в печать 21.10.2011

